

УДК 947+.081/083

КОЛХОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ДЕРЕВНЮ

*М.Д. Северьянов, д-р ист. наук
СФУ, Красноярск*

В статье рассматривается история коллективизации в СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. XX столетия. Характеризуется сам процесс коллективизации, анализируются причины организационно-хозяйственных слабостей колхозов в обозначенные годы. Приводятся социальные последствия коллективизации.

Ключевые слова: землепользование, деревня, колхозы, совхозы, коллективизация, колхозное движение, нэп.

Уже в марте 1929 г. И.В. Сталину пришлось принимать судьбоносное решение для страны и себя лично. На «левый» курс Сталина деревня ответила замедлением темпа сельскохозяйственного производства, создав ту самую зерновую проблему, которая и явилась первопричиной всех хозяйственных бед страны. Она была не столько результатом сознательного намерения крестьян ответить ударом на удар, умышленно сокращая свои посевные площади, сколько естественным результатом разорения, которому подверглась деревня. Власть попала в порочный круг, из которого нельзя было вырваться, не меняя в корне всю «генеральную линию». Что делать? Уменьшить тяжесть налогов? Немыслимо, потому что казна «задышалась» от безденежья. Дать какие-то новые льготы рабочим? Но все возможные льготы уже даны. Смягчить монополию промышленности и торговли? Но где те фабриканты и коммерсанты, которые согласились бы начать новое дело без всяких гарантий? Смягчить политический курс, дать хоть призрак гражданской свободы населению? Немыслимо, т. к. даже минимум свободы поднял бы в России такой политический вихрь, который смел бы не только Сталина, но самых умеренных коммунистов.

Идея коллективизации земледелия и явилась на этом «трудном повороте» для Сталина той разрыв-травой, которой разрывался роковой порочный круг, ставящий под угрозу бытие большевизма.

На карту было поставлено все!

Коллективизация – это установление в России крупного хозяйства в земледелии, базирующегося на принудительном труде. Колхозы и совхозы – это не изобретение большевиков. Первые совхозы в России были организованы еще при царе Алексее Михайловиче, который вел огромное «государственное хозяйство», где рабочие и крепостные, наемные рабочие, применявшие хозяйственный инвентарь, под наблюдением стрельцов, надзиравших из особых смотрилен, «ударно» трудились на поле. Своего рода колхозы также возникли в XVIII-XIX веках, когда некоторые помещиков сводили крестьянские дворы в принудительные коллективы. Но в истории российского земледелия это были эпизоды. В основе земельного строя всегда лежал крестьянский двор. Крепостное право закрепляло крестьянские дворы, беря с них оброк.

Первую попытку превращения крестьян в государственных крепостных большевистская власть сделала в 1918-1921 гг. Однако всеобщее разорение, повсеместные голод и восстания крестьян вынудили большевиков отказаться от продразверстки и «социализации» земли, ввести нэп, разрешить крестьянам продавать с личного подворья часть продукции. Вторая попытка осуществить индустриализацию руками крестьян началась по решению XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.). Фактически началась борьба большевистского режима с Россией во

имя индустриализации, борьба с крестьянством во имя коллективизации. В ходе коллективизации крестьяне низводились до положения живого инвентаря казенных сельскохозяйственных фабрик: включительно до 1934 г. Разрушался крестьянский двор, крестьянин в колхозе закреплялся как безземельный и безынвентарный батрак. В составе «колхозного населения» он был бесправным и нищим, лишенным всякой покупательной способности, обреченным на то, чтобы, отдавая две трети валового сбора казне, довольствоваться продовольственным пайком. Колхоз как комбинированное общественное и частное хозяйство (наряду с общественной запашкой и обобществленным стадом колхозникам разрешили иметь индивидуальные огороды и не обобществленных коров) сложился не сразу. Разрешив колхозникам иметь личное подворье, власть и здесь вплоть до смерти И.В. Сталина облагала налогами их хозяйство, регламентируя производство в нем до мелочей. Да и позже сталинский опыт вмешательства в личное подворье не давал спать спокойно Н.С. Хрущеву и другим «реформаторам» российской деревни.

Коллективизация – это чисто буржуазная форма обеспечения индустриализации страны в интересах нового господствующего класса. Это одна из форм раскрестьянивания путем сгона крестьян с собственной земли и лишения их собственности. Как чисто буржуазная мера, она схожа с политикой огораживания земель в Англии в период промышленного подъема. Однако в России сгон крестьян имел свои особенности. У крестьян землю просто отбирали, выживая их из села как кулаков, подкулачников, подвергая конфискации их имущество, ссылая и даже расстреливая более строптивых и зажиточных. А бедноту, заставив «добровольно самораскулачиваться», т. е. отказаться в пользу колхоза от своей земли, так или иначе лишиться своего частного инвентаря, рабочего скота и птицы, даже домашней утвари, обязывали перейти на казенное иждивение, на положение на-

емной рабочей силы. Причем делалось все это в ударном порядке, чтобы обеспечить «гигантские», «большевистские» темпы развития. При этом крестьянам навязывали, вместо их индивидуальной, коллективистскую психологию.

Страшная судьба кулака была тем оружием, при помощи которого терроризировалось все крестьянство. Значение террора заключалось не только в том, что несколько миллионов крестьян были лишены земли, сосланы или расстреляны по «контрольным цифрам» Л.М. Кагановича, но главным образом в том, что миллионы крестьян, спасая свою жизнь, сами бросились в наспех организованные колхозы, которые стали выполнять функции общинного «мира». В них крестьянам легче стало укрыться от «большевистских сатрапов», ибо последние вынуждены были направлять свой гнев на «мир» в целом.

В 1930 г. «левая» политика сменилась репрессиями: арестами, ссылкой, расстрелами. Для психологической подготовки к хлебозаготовительной кампании Л.М. Каганович установил контрольную цифру: с целью запугивания крестьян расстрелом в каждом районе по 10 человек. Однако результат получился обратный. В местах усиленных расстрелов произошел рост аграрного террора и повстанческого движения. Попутно заметим, что к репрессиям Каганович прибегал всегда и везде, куда бы его не отправлял Сталин. Так, для «прекращения прорыва на угольном фронте» он установил контрольную расстрельную цифру в 180 человек, на Урале – 620 человек [1].

Известно, в мире социально-экономических чудес не бывает. В чем же причина того, что на рубеже 1920-30-х гг. более чем 100-миллионное крестьянство было насильно объединено в колхозы? Причем процесс этот был искусственным [1], о чем свидетельствуют не только «темпы» коллективизации, но и невыкристаллизованность новых сельскохозяйственных предприятий, смутные представления о том, каким должен быть колхоз как у организаторов колхозного движения на деревню, так и у самих участников

этого движения. Где истоки того грандиозного по размаху и страстного по своему пафосу порыва, с помощью которого в такой короткий срок так ужасающе и так катастрофически удалось разворошить и разорить российскую деревню?

В отечественной историографии и публицистике имеется большой объем литературы, приписывающий исполинский разрушительный результат кризиса сельского хозяйства и не менее впечатляющий успех в деле организации колхозов действиям большевистской власти и лично И.В. Сталина. Думается, что это полуправда, ибо подобных итогов коллективизации вряд ли можно было достигнуть посредством декрета и зверств. Об этом мы еще поговорим позже. Здесь же мне хотелось бы остановиться на следующем. Если осмыслить тот факт, что коллективизация началась одновременно на всей территории СССР (более чем в 72 тыс. деревень и сёл), то становится очевидным, что колхозное движение на деревню было социальным движением масс и их социальных страстей. В те годы большевистский режим с внешней стороны напоминал худшие виды деспотизма, какие только были известны в истории. Однако на деле этот деспотизм был страшен только части населения. Российская беднота мало чувствовала его гнет. Советская власть всегда ублажала эту бедноту, и делала это за счет более имущих. И в этом смысле годы сплошной коллективизации не были исключением. Зверства большевиков бездомная голытьба даже приветствовала. То, что в деревне была скрытая безработица (более 20 млн. человек из 100-миллионного населения), а крестьянское хозяйство продолжало падать при нэпе, служило мотивом для коллективизации не только для власти имущих, но и для самих крестьян. Коллективизация – это скорее результат того, что крестьянство было разорено, что оно дошло до такого состояния, при котором стало искать спасения (минимум продовольствия) в коммунах. Если бы действительно весь советский народ ненавидел Советскую власть, то он давно бы ее

свергнул, потому что российский народ на протяжении веков всегда демонстрировал свое своенравие, храбрость и даже героизм.

Думается, что размах колхозного движения на деревню объясняется тем, что большевикам действительно удалось разжечь классовую борьбу и поддерживать состояние гражданской войны в деревне в те годы. В колхозном движении на деревню легко разглядеть стихию ненависти и соблазн личного обогащения и власти: «Я вам покажу, как надо хозяйствовать!» Накопившиеся за долгие годы злоба, зависть и подозрительность, низкие инстинкты самодовольных маленьких советских администраторов, фанатическая ревность части местных коммунистов, страх низовых работников прослыть «правоуклонистами» – все это как бы сорвалось с привязи и обрушилось на крестьянство. Случаи преследования, которым раньше подвергалось население, были превращены в систему, узаконенную и санкционированную сверху. То было царство красного террора, создавшего по всей стране 70 тыс. местных отделений ГПУ, которые имели в своем распоряжении специальные войска ГПУ и Красной Армии. И хотя никто точно не знал, кто является кулаком, в кулаках не было недостатка – они были найдены всюду в большом количестве.

В истории человечества трудно найти примеры, равные по жестокости тому, что происходило в СССР в начале периода реализации сталинского лозунга «сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулачества как класса». Этот беспредел продолжался 65 дней (с 27 декабря 1929 г. по 2 марта 1930 г.): с момента провозглашения этого одиозного лозунга и до выхода статьи Сталина «Головокружение от успеха», прекратившего беззаконие.

Отметим, что жестокие расправы с крестьянами периодически повторялись позже, когда Кремль официально отказался от политического насилия, но своего апогея эта политика достигла именно в обозначенный выше период – 65 дней.

В отечественной и зарубежной историографии многократно делались попытки произвести подсчет жертв коллективизации. К сожалению, этот подсчет в полной мере просто невозможен. Насильственное переселение миллионов людей в те годы не было организованным и отрегулированным, оно осуществлялось в атмосфере хаоса и всеобщего смятения. Люди гибли в огромных количествах во время этапов. Никто даже примерно не знает, сколько крестьян было расстреляно (например, по правительственному декрету за убой своего скота). Даже по хронологическим границам сплошной коллективизации ведутся дискуссии. А кто исчислит человеческие страдания? Никто не знает, сколько в те годы появилось беспризорных детей... Если осмыслить все декреты периода коллективизации, то становится очевидным следующее: отречение власти пришло не из-за гибели людей, а из-за катастрофического уменьшения скота, истребляемого крестьянами в их судные дни. Можно согласиться с выводом Пайонса, сделанным им в книге «Кровавая утопия»: «Лозунг «ликвидация кулака как класса» дал удачное название технике террора, растянувшего мгновения на месяцы (точнее, на годы – М.С.). Эта формула как бы определила размеры самого процесса, придала ему революционную четкость и дала ему почти «научное» оправдание. Случайные преследования разом превратились в законченную и системную кампанию. В выборе этого магического лозунга была проявлена гениальность. В формуле «ликвидация кулаков как класса» человеческая агония звучит слабо. Это скорее формула социального строительства, она звучит почти безлично. Но фраза эта полна ужаса» [1]. Коллективизация – это итог нэпа, это красная Вандея, которую можно было предвидеть в самом начале нэпа, это выход социальной психологии раскрестьянившейся части населения, которая образовывалась как до революции, так и во все годы нэпа, это новый черный передел в России. В годы нэпа пресловутое нивелирование крестьянского хозяйства и прин-

цип трудового землепользования привели к раздроблению земли, измельчанию хозяйств и неравномерному распределению инвентаря и общему обеднению деревни. В 1927-28 гг. власть искала выход из кризиса сельского хозяйства, и к 1929 г. она определилась в своем решении. Коллективизация – это поход класса люмпен на класс хозяев, т. е. поход деклассированных слоев деревни. Это люмпен-крестьяне, люмпен-рабочие, люмпен-интеллигенция и люмпен-революционеры, т. е. люди, потерявшие свою былую социальную почву под ногами. В этом колхозном движении на деревне они нашли свои «революционные бои», которыми тешили их потерявшие сознание демагоги большевизма. Коллективизация – это грандиознейший процесс передела собственности и власти. Осуществление индустриализации за счет разрушения индивидуального крестьянского хозяйства порождало безработицу. Неизбежным в этом процессе было то, что правящий режим именно из этой социальной среды постоянно расширял и пополнял свою социальную базу путем вовлечения безработных волонтеров в «строительство социализма» в деревне. Сам процесс «раскрестьянивания», обезземеливания для дела индустриализации сыграл двоякую роль. До 1917 г. представители деревни, поступавшие на работу на предприятия черной металлургии, составляли 35,6 %. В 1932 г. выходцев из деревни среди рабочих было уже 62,7 %. И это при том что 1929 г. был годом роста безработицы. Так, на 1 мая 1929 г. в городах было 1 млн. 700 тыс. безработных. И их численность постоянно прирастала за счет аграрного перенаселения и естественного прироста в городах. Таким образом, резервы рабочей силы для индустриализации в городе имелись. Резервы индустриализации были и в деревне – в форме аграрного перенаселения, т. е. скрытой безработицы, которая составляла примерно 20 млн. человек. Т. е. причина коллективизации была не в дополнительном высвобождении рабочей силы в деревне для промышленности.

В чем же истинная сущность «сплошной коллективизации» или первой пятилетки?

Она – в политике собирания господствующим классом капиталов, не соответствующих силам страны, путем отчуждения огромной части народного дохода за счет реальных интересов экономического развития и самых элементарных потребностей населения, включая и его питание. Она – в том, что собирая таким путем ресурсы, власть вкладывала их в промышленность, которая пока сама же поглощала большую часть своей продукции (производства средств производства) и которая лишь через несколько лет могла начать работать на страну. И в этом смысле в тактическом плане сплошная коллективизация была чужда не только пятилетнему плану, но и противоречила ему, т. к. подрывала самые его основы: величину государственного накопления, включая и то, что вызвало голод в стране. И в этом смысле, как отмечал Р. Конквест в своей книге «Большой террор» (С. 360), «ценность имущества, конфискованного у «кулаков», была сама по себе очень хорошим показателем: в одних источниках приводится цифра 170 млн. руб., в других, более поздних, – 400 млн. руб. Даже если взять цифры в этом диапазоне, 170 - 400 млн., и принять за основу официальную, сильно заниженную цифру количества раскулаченных хозяйств в один миллион, то стоимость одного хозяйства составляет 170-400 рублей (или 90-210 долларов по официальному курсу). Как заметил один из комментаторов, стоимость депортации была, видимо, гораздо выше дохода от раскулачивания».

Очень заманчиво звучит тезис о том, чтобы объяснить коллективизацию любовью Сталина к будущим поколениям, которая оправдывала ненависть и жестокость к своим современникам. То есть будущим Елисейским полям «социалистического блаженства», а поколениям эпохи Сталина – доля «навоза» для этих полей: дорога в ад, вымощенная благими намерениями (пожеланиями), что является в истории извечной дисгармонией

между благородством целей и отвратительностью избранных средств их достижения. Однако под этот тезис нет прямых доказательств. Факты же говорят совсем о другом.

Сталина никак нельзя понять с точки зрения его «идеологии», и напротив, он становится прозрачным с точки зрения интересов, которые он представлял и защищал. Сталин при осуществлении идей сплошной коллективизации руководствовался ленинской теорией построения социализма в СССР (его политическим завещанием). В десятилетие победы Октября 1917 г. А.М. Кушнир так оценил эту теорию: «Это – программа интересов определенного социального слоя, в некоторых отношениях уже близкого к настоящему классу, интересов «красных» капиталистов, монопольных групп, являющихся фактически - собственниками предприятий «советской» промышленности и торговли. Это могущественная группа, сплошь состоящая из «партицев», никоим образом не солидарна с «частником» и «нэпманом». Напротив, последние для нее принципиальные враги, срывающие ее монополию... Отсюда политика, проникнутая принципом абсолютной охраны и возможного расширения монополии «государственных фирм...».

И в этом смысле первый пятилетний план был планом политико-экономическим, в котором экономика была подчинена политике – политике нового господствующего класса. Следовательно, она не преследовала общенациональные задачи, а являлась оружием в руках ВКП(б) для уничтожения тех социальных слоев, наличие которых было несовместимо с ее господством.

Это оружие было направлено против крестьян, т. к. «старая» буржуазия была уже давно уничтожена, а кулаков можно было экспортировать как класс. В историческом контексте пролетаризация крестьян вела и к уничтожению исторических особенностей России, носителями которых являлись, прежде всего, крестьяне. В 1934 г. Н.С. Тимашев констатировал:

«Плановое хозяйство, не в целом, но в крупных чертах, задумано и осуществлено капиталистическими трестами; капиталист Ратенау выдвинул идею интегрального планирования без социализма. Идею индустриализации России развивал Д.И. Менделеев. Идея коллективизации – развитие идей сельскохозяйственной кооперации» [1].

Можно согласоваться с выводом А. Цилиги в том, что эпоха первой пятилетки, как, впрочем, и всех последующих, «представляет, несомненно, «героический век» советской бюрократии».

Другими словами, сплошная коллективизация – не что иное, как расширение монополии «государственных фирм» на сельскохозяйственное производство. При этом коллективизация реальным образом возродила круговую поруку на селе, где появился поводырь, отвечающий своей головой за других – председатель колхоза, и все остальные стали отвечать за других своим имуществом. Тем самым было предоставлено право новому имущему классу применять к колхозу и колхозникам насилие и даже террор, выдавать план сева и хлебазаготовок, организовывать походы за сельхозпродукцией. Так в усло-

виях неизбежного и громадного падения производительных сил деревни, нового ее оскудения, новой деградации населения, новой крови и слез, при всеобщей неразберихе – организационной, производственной, технической – террором были перемещены объекты владения из мелкочастной собственности крестьян в руки нового господствующего класса, который с помощью сельскохозяйственных «фабрик и заводов» усилил капиталистическую эксплуатацию «колхозного населения», прикрыв свое классовое господство ложной концепцией о «кооперативно-колхозной форме собственности», а весь общественный строй в стране назвал социализмом, породив в теории и на практике непрерывные, но бесплодные споры о том, что такое «класс», что такое «социализм», и когда и какой социализм был построен в СССР, и был ли он построен вообще.

Литература

1. Северьянов М.Д. Капитализм в Советской России. 1917-1937 гг.: моногр. Красноярск. 2001. 268 с.